

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-458-464

ТЮРИНА Наталья Евгеньевна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
Казанский (Приволжский)
федеральный университет, профессор,
420008, Казань, ул. Кремлевская 18,
e-mail: tyurina.natal@yandex.ru

ФЕДЧЕНКОВ Александр Вячеславович,
аспирант кафедры международного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская 18,
e-mail: a.fedchenkov@ya.ru

НЕЗАВИСИМОСТЬ АДВОКАТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ

Аннотация. В статье анализируется соответствие российской модели корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов и дисциплинарной практики органов адвокатского самоуправления международно-правовым стандартам независимости адвокатуры, закрепленным в Основных принципах, касающихся роли юристов (1990), Стандартах независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов, Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(2000)21 и Международном пакте о гражданских и политических правах. Рассмотрены Положение о порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов 2024 г., официальная дисциплинарная статистика за 2021–2024 гг., изменения Кодекса профессиональной этики адвоката, а также резонансные случаи применения корпоративных санкций в связи с обращениями адвокатов в государственные органы и их публичными высказываниями («дело 32-х адвокатов», конфликты в адвокатских палатах ряда регионов, дело Д. Н. Талантова). Сделан вывод о смещении акцента с корпоративной обязанности по защите адвокатов на их индивидуальную самозащиту и о несоответствии ряда процедурных правил дисциплинарного производства принципам 26–29 Основных принципов. Предложены меры по совершенствованию законодательства и корпоративных актов.

Ключевые слова: адвокатура; независимость адвокатуры; адвокатское самоуправление; Федеральная палата адвокатов; дисциплинарная ответственность адвоката; профессиональные права адвокатов; Основные принципы, касающиеся роли юристов; свобода выражения мнений.

Для цитирования: Тюрина Н. Е., Федченков А. В. Независимость адвокатского самоуправления и защита профессиональных прав адвокатов в Российской Федерации в свете международно-правовых стандартов // Образование и право. 2026. № 10. С. 458–464.

TYURINA Natalia Eugenevna,
Doctor of laws
Professor of the Department of International Law
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia, Full professor

FEDCHENKOV Alexander Viacheslavovich,
Postgraduate student of the Department of International Law
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

INDEPENDENCE OF BAR SELF-GOVERNMENT AND PROTECTION OF LAWYERS' PROFESSIONAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

Annotation. *The article analyses whether the Russian model of corporate protection of lawyers' professional rights and the disciplinary practice of bar self-government bodies comply with the international standards of independence of the legal profession enshrined in the UN Basic Principles on the Role of Lawyers (1990), the IBA Standards for the Independence of the Legal Profession, Recommendation No. R(2000)21 of the Committee of Ministers of the Council of Europe and the International Covenant on Civil and Political Rights. The author examines the 2024 Regulation on the Protection of Lawyers' Professional Rights, official disciplinary statistics for 2021–2024, amendments to the Code of Professional Ethics of Lawyers, and high-profile cases of corporate sanctions imposed in connection with lawyers' appeals to state authorities and their public statements (the "case of 32 lawyers", conflicts in regional bar chambers, the case of D. N. Talantov). It is concluded that the emphasis has shifted from the corporate duty to protect lawyers to their individual self-defence, and that a number of procedural rules of disciplinary proceedings do not comply with Principles 26–29 of the Basic Principles. Measures to improve legislation and corporate acts are proposed.*

Key words: legal profession; independence of the bar; bar self-government; Federal Chamber of Lawyers; disciplinary liability of lawyers; professional rights of lawyers; Basic Principles on the Role of Lawyers; freedom of expression.

For citation: Tyurina N. E., Fedchenkov A. V. Independence of bar self-government and protection of lawyers' professional rights in the Russian Federation in the light of international legal standards. *Education and law.* 2026;(10):458–464. (In Russ.).

Введение

Независимость адвокатуры принято рассматривать прежде всего в аспекте ее отношений с государством. Однако не менее значимым является вопрос о том, насколько органы адвокатского самоуправления сами обеспечивают защиту профессиональных прав адвокатов и не превращаются ли они в канал опосредованного воздействия на профессию. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возложил на адвокатские палаты и Федеральную палату адвокатов (далее – ФПА) функцию представительства и защиты интересов адвокатов. Тем не менее за два десятилетия существования этой системы так и не сложился действенный механизм защиты социальных и профессиональных прав адвокатов [2], а каналы обратной связи между адвокатским сообществом и органами самоуправления во многом приобрели формальный характер [6].

Цель статьи – оценить соответствие российской модели корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов и дисциплинарной практики органов адвокатского самоуправления международно-правовым стандартам независимости адвокатуры. Исследование основано на формально-юридическом и сравнительно-правовом методах, анализе корпоративных актов ФПА, официальной дисциплинарной статистики и отдельных резонансных случаев 2019–2025 гг.

Международные стандарты независи-

мости адвокатуры и ее самоуправления

Основой международно-правового регулирования выступают Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. (далее – Основные принципы). Государства обязаны обеспечить, чтобы юристы могли выполнять свои обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства и не подвергались санкциям за действия, совершенные в соответствии с профессиональными обязанностями (принцип 16); при угрозе безопасности в связи с исполнением профессиональных обязанностей юристы должны получать надлежащую защиту (принцип 17); юристы не должны отождествляться со своими клиентами или делом клиентов (принцип 18). Юристы пользуются свободой выражения мнений, в том числе правом участвовать в публичном обсуждении вопросов права, отправления правосудия и защиты прав человека, без ограничения в профессиональной деятельности вследствие такой активности (принцип 23), а также правом создавать самоуправляемые профессиональные ассоциации, исполнительные органы которых действуют без внешнего вмешательства (принцип 24).

Принципиальное значение для темы имеют принципы 26–29, посвященные дисциплинарному производству: кодексы профессионального поведения устанавливаются самой профессией или

законодательством в соответствии с международными нормами; жалобы на юристов рассматриваются быстро и справедливо в рамках надлежащих процедур, включая право юриста на справедливое разбирательство и помощь представителя; дисциплинарные дела рассматриваются беспристрастным органом и подлежат независимому судебному пересмотру; все дисциплинарные процедуры определяются на основе кодекса профессионального поведения и в свете Основных принципов.

Аналогичные требования содержатся в Стандартах независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (1990) и в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(2000)21 о свободе осуществления профессии адвоката, принцип VI которой требует соблюдения при дисциплинарном производстве всех требований справедливого разбирательства и принципа соразмерности санкций. Универсальные гарантии свободы выражения мнений и свободы ассоциаций закреплены в ст. 19 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП).

Практика Европейского суда по правам человека конкретизировала эти положения. В деле «Морис против Франции» (Большая палата, постановление от 23.04.2015, жалоба № 29369/10) Суд подтвердил право адвоката критиковать функционирование правосудия при наличии достаточной фактической основы и указал, что несоразмерные санкции оказывают «сдерживающее воздействие» на всю профессию [8]. Таким образом, международные стандарты рассматривают независимость адвоката как двустороннюю гарантию: от вмешательства государства и от произвольного воздействия со стороны собственной корпорации.

Давление на адвокатов и корпоративные механизмы защиты

Профессиональная деятельность адвокатов в России сопряжена со значительными рисками. По результатам исследования 2022 г., около 41 % опрошенных адвокатов сообщили о нарушениях их профессиональных прав [7]. Адвокаты, участвующие в общественно значимых делах, подвергаются давлению и преследованию [1]. Применительно к лицам, подвергаемым уголовному преследованию, деятельность их защитников нередко воспринимается силовыми ведомствами как продолжение активности самих доверителей, что прямо противоречит принципу 18 Основных принципов.

Сохраняется и проблема физического насилия. За период 2002–2025 гг. в открытых источниках зафиксированы убийства адвокатов (в частности, Э. Мусина в Московской области в 2006 г.), покушения, нападения и избиения в

Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Махачкале, Челябинске, Тульской области и других регионах. Отдельную группу составляют эпизоды насилия, незаконного лишения свободы и угроз со стороны должностных лиц: избиения адвокатов сотрудниками милиции и полиции в Кисловодске (2008), Махачкале (2010, 2019), Самаре (2012), Москве (2017); незаконный обыск у адвоката в Воронеже (2018); насильственное выдворение адвокатов из отдела полиции в Кабардино-Балкарской Республике (2020); избиение адвоката в Ульяновской области (2025) [1]. Значительная часть таких преступлений остается нераскрытой, что формирует своего рода «институциональную терпимость» к насилию в отношении адвокатов. При этом полная статистика посягательств на адвокатов Федеральной палатой адвокатов не ведется, хотя без нее невозможно оценить масштаб проблемы и выполнить обязанность по обеспечению безопасности юристов, вытекающую из принципа 17 Основных принципов.

Наряду с насилием распространены процессуальные меры, используемые как средство давления: личные досмотры, обыски по месту жительства, изъятие мобильных устройств, компьютерной техники и документации, включая материалы, составляющие адвокатскую тайну. Еще в 2015 г. миссия Международной комиссии юристов указывала, что адвокатские палаты должны активнее защищать адвокатов от давления, а сами адвокаты недостаточно используют корпоративные механизмы защиты [5, с. 23–24].

Ответом ФПА на эти вызовы стало Положение о порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов, утвержденное Советом ФПА 18 июня 2024 г. Документ декларирует цель формирования у правоохранительных и судебных органов «атмосферы нетерпимости» к нарушениям профессиональных прав адвокатов и детализирует действия, квалифицируемые как такие нарушения. Вместе с тем ключевым элементом Положения является приоритет самозащиты: на адвоката возлагается обязанность незамедлительно принимать «разумные и адекватные» меры для восстановления нарушенных прав, а при их безрезультатности – фиксировать нарушение и «при первой возможности» обращаться в комиссию при совете палаты. Поскольку понятие нарушения профессиональных прав сформулировано широко, у адвоката возникает риск ответственности за отсутствие оперативной реакции. Палаты вмешиваются лишь в наиболее серьезных случаях, а ФПА – в исключительных ситуациях и по собственной инициативе. Из числа субъектов защиты фактически исключены общественные объединения адвокатов и правозащитные организации, что

сужает гарантию, вытекающую из принципа 24 Основных принципов. Неопределенными остаются и используемые в Положении понятия «акты, затрагивающие интересы адвокатского сообщества» и «факт нарушения интересов адвокатской корпорации».

В октябре 2024 г. ФПА объявила о подготовке проекта федерального закона о введении в УК РФ ст. 149.1 «Нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи». Сама по себе эта инициатива соответствует принципам 16 и 17 Основных принципов, однако ее эффективность будет зависеть от того, сопровождается ли она реальной готовностью корпоративных органов инициировать и поддерживать преследование виновных должностных лиц.

Дисциплинарная практика органов адвокатского самоуправления

Ключевым инструментом внутрикорпоративного контроля выступает дисциплинарное производство. По опубликованным ФПА данным, за 2021–2022 гг. квалификационные комиссии адвокатских палат рассмотрели 10 059 дисциплинарных дел при общем числе обращений и жалоб 26 700. По 3 469 делам производство прекращено, по 6 590 – установлены признаки дисциплинарного проступка. В 5 694 случаях (86,4 %) применены замечания и предупреждения, в 896 случаях (13,6 %) прекращен статус адвоката. Наиболее распространенным основанием прекращения статуса стало «неисполнение или ненадлежащее исполнение решений органов адвокатской палаты» (448 адвокатов); за неисполнение обязанностей перед доверителем статуса лишился 141 адвокат, в связи со вступлением в силу обвинительного приговора – 98. Из 168 исков об оспаривании дисциплинарных решений удовлетворено лишь 20. В 2023–2024 гг. замечания и предупреждения получили 5 511 адвокатов, статуса лишены 615, в том числе за неисполнение решений органов палаты – 322, за нарушение норм профессиональной этики – 174, за неисполнение обязанностей перед доверителем – 107, по иным основаниям – 12; судами отменены решения палат лишь по 17 делам.

Приведенные данные показывают, что почти половина случаев прекращения статуса связана не с нарушением обязанностей перед доверителем, а с неисполнением решений самих корпоративных органов. Подобная структура санкций свидетельствует о смещении дисциплинарной практики от защиты интересов доверителей к обеспечению внутрикорпоративной дисциплины. Еще в 2015 г. миссия Международной комиссии юристов отмечала отсутствие единообразной дисциплинарной практики и поступающие жалобы на произвольное прекращение статуса [5, с. 21].

Существенную роль в инициировании производств играет Министерство юстиции РФ, которое вправе вносить представления в адвокатские палаты. С учетом того, что значительная часть представлений отражает позицию правоохранительных органов – процессуальных оппонентов адвокатов, – отсутствие независимого фильтра при их рассмотрении создает предпосылки для использования дисциплинарного механизма как средства давления. После законодательных изменений 2024 г. эта практика получила прямое нормативное закрепление.

Изменения Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) также вызывают вопросы с точки зрения принципов 27–28 Основных принципов. В КПЭА включены оценочные положения, допускающие широкое толкование, а сфера его действия распространена на поведение адвоката вне профессиональной деятельности. Вместо презумпции добросовестности адвоката закреплена, по существу, презумпция добросовестности палаты, осуществляющей дисциплинарное производство. Адвокат лишен права заявлять отвод членам органа дисциплинарной юрисдикции; допускается рассмотрение дела в его отсутствие даже при уважительной причине неявки; допускается повторное рассмотрение дела по тому же факту после отмены судом решения палаты, а также возобновление ранее «отложенных» производств, если прежнее решение о прекращении статуса было отменено. Ограничение предмета судебного обжалования только процедурными вопросами было отменено лишь в 2023 г. Процедура обжалования в Комиссию по этике и стандартам ФПА остается непрозрачной и фактически заочной. Перечисленные правила трудно согласовать с требованиями справедливого разбирательства, беспристрастности органа и независимого судебного пересмотра. Суды, в свою очередь, редко применяют международные стандарты при оценке дисциплинарных решений, ограничиваясь поверхностной проверкой выводов квалификационных комиссий.

Преследование за реализацию права на обращение и свободу выражения мнения

Наиболее показательным примером конфликта между корпоративными органами и рядовыми адвокатами стало так называемое «дело 32-х адвокатов». После конференции 2 марта 2019 г. группа из 32 адвокатов поддержала обращение коллег из Республики Башкортостан и подписала открытое обращение к Председателю Следственного комитета РФ с просьбой обеспечить объективную проверку возможных злоупотреблений должностных лиц Адвокатской палаты Республики Башкортостан. Реакция последовала незамедли-

тельно: 17–18 апреля 2019 г. были приняты Разъяснение № 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА, согласно которому обращение адвоката в государственные органы с требованием проверки органов адвокатского самоуправления свидетельствует о пренебрежении моральными устоями профессии и может служить основанием для дисциплинарного производства, а также резолюция Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики», квалифицировавшая подписание обращения как нарушение принципов корпоративности.

Эти акты вступают в противоречие с широким кругом норм, гарантирующих право на обращение в органы публичной власти: ст. 19 и 22 МПГПП, принципами 16 и 23 Основных принципов, ст. 33 Конституции РФ, допускающей ограничение этого права только федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), и ст. 6 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», запрещающей преследование гражданина в связи с его обращением [2]. Тем не менее в ряде палат (Нижегородской, Курганской, Московской областей, Краснодарского края) были возбуждены дисциплинарные производства в отношении подписантов, тогда как палаты Москвы и Санкт-Петербурга от этого отказались. Иск Адвокатской палаты Удмуртской Республики и ряда адвокатов о признании указанных актов недействительными был отклонен Хамовническим районным судом г. Москвы; вместе с тем суд констатировал отсутствие в оспариваемых актах прямого запрета на обращение адвокатов в государственные органы. Впоследствии сходные положения были включены в КПЭА.

Практика вмешательства ФПА в деятельность региональных палат прослеживается и в других эпизодах. В 2020 г. после неоднократных голосований президента Адвокатской палаты Республики Адыгея А. Ганжи против инициатив ФПА и участия палаты в оспаривании актов ФПА был поставлен вопрос о досрочном прекращении его полномочий, а затем – о прекращении его адвокатского статуса; суды отклонили его иски. Применение двух мер воздействия за одни и те же действия трудно согласовать с принципом *non bis in idem*, выраженным в п. 7 ст. 14 МПГПП. В 2022 г. в отношении Адвокатской палаты Ярославской области был по существу введен режим «внешнего управления» с назначением временно исполняющего обязанности президента из другого региона; аналогичные предписания выносились и в отношении Адвокатской палаты Оренбургской области. В апреле 2024 г. в Адвокатской палате Республики Дагестан на одном заседании совета замечания

были объявлены 137 адвокатам (свыше 10 % адвокатского корпуса региона). В мае 2024 г. конференция Адвокатской палаты Удмуртской Республики была вынуждена самораспуститься после того, как около 50 делегатов покинули зал в знак несогласия с повесткой; руководство ФПА оценило их действия как «срыв» конференции и указало на возможность дисциплинарной оценки, а от делегатов потребовали письменных объяснений вне формальной дисциплинарной процедуры. Подобная практика ставит под сомнение соблюдение принципа 24 Основных принципов о самоуправляемом характере профессиональных ассоциаций.

Особое место занимает дело Д. Н. Талантова – первого президента Адвокатской палаты Удмуртской Республики и председателя правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018», последовательно выступавшего за независимость адвокатуры [3]. 28 июня 2022 г. он был заключен под стражу по обвинению в распространении заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил РФ и государственных органов (п. «а», «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ); впоследствии обвинение было дополнено п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Поводом послужили публикации в социальных сетях, содержащие оценочные суждения. При избрании меры пресечения следствие и суд ссылались, в том числе, на «род занятий» обвиняемого. 28 ноября 2024 г. Завьяловский районный суд Удмуртской Республики назначил наказание в виде семи лет лишения свободы с запретом на администрирование интернет-ресурсов; признак «использования служебного положения» суд вывел из того, что подсудимый длительное время возглавлял адвокатскую палату.

Дело получило широкий международный резонанс. Комитет ООН по правам человека в заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации (CCPR/C/RUS/CO/8, 2022) рекомендовал отменить ряд норм, необоснованно ограничивающих свободу выражения мнений, в том числе ст. 207.3 УК РФ, а по индивидуальному сообщению Д. Талантова применил срочные меры. Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Российской Федерации, Международная ассоциация юристов, Международная комиссия юристов и Совет адвокатских и юридических сообществ Европы (CCBE) указывали на несовместимость преследования с Основными принципами (принципы 16–18, 23) [4]. Реакция ФПА ограничилась сбором информации, ходатайством о смягчении меры пресечения и краткой публикацией о приговоре, не содержащей соб-

ственной правовой оценки. Независимо от итогов судебного разбирательства, такая позиция корпоративного органа не соответствует принципу 16 Основных принципов, обязывающему обеспечивать адвокатам защиту от санкций за профессиональную и связанную с ней общественную деятельность.

Заключение

Анализ показывает, что российская модель корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов не обеспечивает реализации международных стандартов независимости адвокатуры в полном объеме. Положение ФПА 2024 г. смещает акцент с корпоративной обязанности по защите адвокатов на их индивидуальную самозащиту, дисциплинарная практика ориентирована преимущественно на обеспечение внутрикорпоративной дисциплины, а процедурные правила КПЭА не в полной мере соответствуют требованиям принципов 26–29 Основных принципов. Применение дисциплинарных мер в связи с обращениями адвокатов в государственные органы и публичной критикой руководства палат формирует модель вынужденного конформизма, несовместимую с принципом 23 Основных принципов.

В целях приведения практики в соответствие с международными стандартами представляется целесообразным: закрепить в КПЭА презумпцию добросовестности адвоката, право на отвод членов дисциплинарных органов, запрет повторного рассмотрения дела по тому же факту и обязательность участия адвоката в разбирательстве при наличии уважительных причин неявки; разделить функции возбуждения и рассмотрения дисциплинарных производств, а представления органов юстиции рассматривать после предварительной независимой проверки; прямо закрепить в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» недопустимость дисциплинарной ответственности за обращение в органы публичной власти и за публичные высказывания по вопросам деятельности адвокатуры; возложить на ФПА обязанность вести и публиковать статистику посягательств на адвокатов и нарушений их профессиональных прав; признать за общественными объединениями адвокатов право участвовать в защите профессиональных прав наряду с палатами. Реализация этих мер позволила бы органам адвокатского самоуправления выполнять функцию, ради которой они создавались, – обеспечивать независимость профессии и защиту ее членов.

Список литературы:

[1] Попков А. Адвокатура под ударом: насилие, преследования и внутренние конфлик-

ты (неправительственный доклад международной правозащитной группы) // Евразийская адвокатура. 2019. № 3(40). С. 51–70.

[2] Балданцэрэн А. Скажем «нет!» дискриминации адвокатов внутри адвокатуры!: интервью с адвокатом Амгалан Балданцэрэн // Евразийская адвокатура. 2023. № 1(60). С. 9–20.

[3] Рагулин А. Дмитрий Талантов и «Инициатива 2018»: адвокаты и юристы за демократию и верховенство права // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (71). С. 25–80.

[4] Заявление Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018»: требуем прекращения... // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). С. 27–29.

[5] Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации: отчет миссии Международной комиссии юристов. Женева: Международная комиссия юристов, 2015. С. 88.

[6] Лаврова И. Социальные права и гарантии адвоката // SudNet. 2020. № 7. С. 365–371.

[7] Шварц О. Степень защищенности профессиональных прав адвокатов: краткое резюме результатов исследования – 2022. М.: Центр конституционных исследований, 2022. 41 с.

[8] Harris D., O'Boyle M., Bates E., Buckley C. Law of the European Convention on Human Rights. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1006 p.

References:

[1] Popkov A. The Legal Profession Under Attack: Violence, Persecution, and Internal Conflicts (A Non-Governmental Report by an International Human Rights Group) // Eurasian Advocacy. 2019. No. 3(40). pp. 51–70.

[2] Baldantseren A. Let's Say "No!" to Discrimination Against Lawyers Within the Legal Profession!: An Interview with Attorney Amgalan Baldantseren // Eurasian Advocacy. 2023. No. 1(60). pp. 9–20.

[3] Ragulin A. Dmitry Talantov and "Initiative 2018": Lawyers and Legal Professionals for Democracy and the Rule of Law // Eurasian Advocacy. 2023. No. 6(71). pp. 25–80.

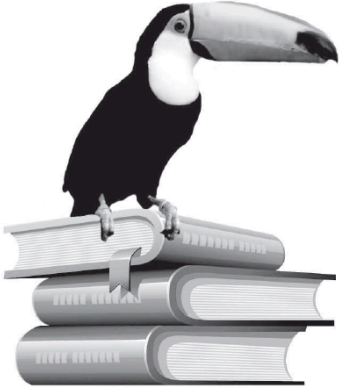
[4] Statement by the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Legal Professionals "Initiative 2018": We Demand an End to... // Eurasian Advocacy. 2025. No. 6(77). pp. 27–29.

[5] The Development of a Strong Legal Profession in the Russian Federation: A Report by a Mission of the International Commission of Jurists. Geneva: International Commission of Jurists, 2015. p. 88.

[6] Lavrova I. Social Rights and Guarantees for Lawyers // SudNet. 2020. No. 7. pp. 365–371.

[7] Shvarts O. The Extent of Protection for the Professional Rights of Lawyers: A Brief Summary of Research Findings – 2022. Moscow: Center for Constitutional Studies, 2022. 41 p.

[8] Harris D., O'Boyle M., Bates E., Buckley C. Law of the European Convention on Human Rights. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1006 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.